

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

На блинах (Петербургские очерки #10)

«Въ первый день масляной Иванъ Никодимычъ всегда приглашаетъ всѣхъ родственниковъ на блины. Родня у него довольно большая, но родственниковъ чувствъ отъ нея онъ видитъ мало. Нынче ужъ вѣкъ такой – расшаталось это все. Родные племянники, если не позвать, цѣлый годъ на глаза не покажутся. Братецъ и сестрица чуть не въ глаза аспидомъ его называютъ, и все капиталами попрекаютъ. А какіе у него капиталы? Разумѣется, сберегъ кое-что про черный день; такъ кому-же до этого дѣло? Кабы слушались его, и у самихъ было-бы...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
На блинахъ**

Въ первый день масляной Иванъ Никодимычъ всегда приглашаетъ всѣхъ родственниковъ на блины. Родня у него довольно большая, но родственныхъ чувствъ отъ нея онъ видитъ мало. Нынче ужъ вѣкъ такой — расшаталось это все. Родные племянники, если не позвать, цѣлый годъ на глаза не покажутся. Братецъ и сестрица чуть не въ глаза аспидомъ его называютъ, и все капиталами попрекаютъ. А какіе у него капиталы? Разумѣется, сберегъ кое-что про черный день; такъ кому-же до этого дѣло? Кабы слушались его, и у самихъ было-бы.

Ивану Никодимычу уже лѣтъ за шестьдесятъ; поясницу ему сводить, по ночамъ въ груди кашель бываетъ. Совѣтовался съ докторомъ, нарочно въ лечебницу ѣздилъ, да ничего толкомъ ему не сказали, только даромъ за входной билетъ заплатилъ. Растирается муравьинымъ спиртомъ, и подумываетъ выписать кузмичевой травы ефедры.

Живетъ одиноко, въ собственномъ домѣ на Петербургской сторонѣ. Хозяйствомъ завѣдуетъ ключница Маремьяна Петровна. Хорошая женщина, старательная, а стянуть

что-нибудь не посовѣстится. Лѣтомъ варенья банокъ двадцать наварить, сколько денегъ изведеть, а потомъ – гдѣ оно? Въ посту и нѣтъ ничего. Говядину, тоже, всю зиму по 16 копѣекъ ставила, а онъ справился въ лавке – анъ по 15-ти. Если за годъ-то сосчитать, что это выйдетъ?

Чтобы часто ходили родные, онъ и самъ не любить. Какой отъ нихъ толкъ? Теплоты родственной, или почтительности, и не спрашивай. Накурять только, закусить спросять, да потомъ тебя-же и осудятъ. Но на масляной, на блины, приходится позвать. Все-таки онъ свой долгъ исполнить, покажетъ, что не забывается, старается поддержать родственныя связи.

За блинами Маремьяна Петровна сама на блюдаетъ, хорошіе выходятъ блины. Она всегда велитъ гречневой муки подпустить, отъ этого рыхлость получается. Съ одного боку румяные, а съ другаго ноздреватые, пышные. Икра свѣжая на масляницѣ дорога очень, такъ Иванъ Никодимычъ раньше покупаетъ, недѣли за двѣ, и держитъ на холодѣ. Отъ этого она хоть и получаетъ кислый вкусъ, такъ

съ лукомъ незамѣтно. А если такую икру теперь покупать, надо четыре рубля за фунтъ дать. И вѣдь фунтомъ не отдѣлаться, надо два поставить.

* * *

Первымъ пріѣхалъ на конкъ братецъ Петръ Никодимычъ, съ дочкой Настей. И сейчасъ-же, по обыкновенію, началъ жаловаться на плохія обстоятельства.

— Силь моихъ больше нѣтъ, обломался весь, За квартиру десять рублей накинули, а тутъ дочкѣ двадцать пятый годъ идетъ. Хотѣ бы вы, братецъ, помогли чѣмъ-нибудь.

— Чѣмъ-же это я могу вамъ помочь, братецъ? — возразилъ съ неудовольствіемъ Иванъ Никодимычъ. — Кажется, и такъ всегда находили во мнѣ родственныя чувства. Сами знаете, когда три года назадъ выигралъ въ лоттерю дамскій несессеръ аплике, сейчасъ вашу Настеньку вспомнилъ, подарилъ ей.

— А что ей съ этимъ несессеромъ дѣлать? Ей, вонъ, рукава въ платьяхъ перешивать надо, говоритъ — новая мода вышла.

— Рукавовъ я не могу перешивать, братецъ, не могу, сами понимаете.

Тутъ пришли племянники, сыновья покойной старшей сестры, трое молодцовъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ, всѣ рослые, краснощекіе, съ громкими голосами. Они никогда нигдѣ не могли окончить курса и служили въ какихъ-то правленіяхъ, получая отъ тридцати до семидесяти-пяти рублей жалованья.

– Водочки-то съ морозу сейчасъ дадите? – спросилъ старшій.

– Погодите, сестрица Серафима Никодимовна съ дочками пріѣдетъ, тогда всей семьей и приступимъ, по родственному, отвѣтилъ Иванъ Никодимычъ.

– Халды-то наши? – отозвался племянникъ, и взглянувъ въ окно, расхохотался. – Да никакъ это ихъ и вывалилъ извощикъ на рельсахъ, – объявилъ онъ весело. – Поглядите, у теньки-то всѣ юбки завернулись. Вотъ-такъ блинъ!

Остальные племянники бѣгомъ подскочили къ окнамъ. Подошелъ и Иванъ Никодимычъ. Онъ внимательно приникъ къ стеклу, и на губахъ его медленно проступила широкая улыбка. Настя взглянула исподтишка, и тот-

часъ отошла отъ окна.

— Вонъ и околоточный подошелъ; никакъ протоколъ составлять будутъ, — объявилъ младшій изъ племянниковъ.

Серафима Никодимовна наконецъ появилась, ругаясь и придерживая юбки съ такимъ видомъ, какъ будто не была увѣрена, могутъ-ли онѣ сами держаться. За нею съ озлобленными лицами вошли четыре дочери, двѣ толстыя, черныя, а двѣ необычайно тощія, съ зеленоватыми лицами и чахоточнымъ складомъ. Двоюродные братцы, здороваясь съ ними, ядовито усмѣхались; дяденьки вглядывались.

— Слава Богу, не зашибло васъ? — освѣдомился Иванъ Никодимычъ.

— Ужъ прости Господи, въ кои-то вѣки соберешься къ вамъ, непременно какое-нибудь несчастье случится, — огрызнулась сестрица. — Умѣете вы принять, правду сказать...

— Я-то чѣмъ виновать? Тутъ моей вины нѣтъ, если извозчикъ васъ вывалилъ, — оправдывался Иванъ Никодимычъ.

— А отчего это у васъ, сестрица, двѣ дочки полненькія такія, а другія двѣ совсѣмъ напро-

тивъ? – полюбопытствовала свойственнымъ ему ехиднымъ тономъ Петръ Никодимычъ.

– А потому, сударь мой, что это не вашего ума дѣло, – отрѣзала Серафима Никодимовна. Вотъ у васъ хоть и одна, да на васъ не похожа.

– Дѣвицѣ и не слѣдуетъ быть на мужчину похожей, – спокойно отвѣтилъ братецъ.

Маремьяна Петровна возвѣстила, что блины поданы. Хозяинъ пригласилъ родственниковъ гостей въ столовую.

* * *

Бли съ большимъ аппетитомъ. Блины отлично удались, а икра хотя и прокисла, но приправленная лукомъ, истреблялась охотно. Только братецъ Петръ Никодимычъ, освѣдомившись, почему заплочено, какъ-то сомнительно сжалъ губы и произнесъ: «гм!». Онъ, впрочемъ, отыскавъ на другомъ концѣ стола бутылку русской мадеры, переставилъ ее къ своему прибору, и пока другіе это замѣтили, уже осушилъ ее до половины.

Потомъ подали борщъ съ сосисками, и наконецъ индѣйку, которую Маремьяна Петровна распорядилась начинить какимъ-то сладкимъ фаршемъ, изъ опасенія, что безъ начин-

ки, пожалуй, на всѣхъ не хватитъ.

Хозяинъ приглашалъ повторить, но не настаивалъ.

– Противъ объяденія нынче тоже возставать стали, – говорилъ онъ. – И резонно: потому что и для желудка вредно, и въ духовномъ смыслѣ унизительно.

– Ну, это какъ кому, – возразилъ второй изъ племянниковъ, обшаривая блюдо съ индѣйкой и не находя на немъ ничего, кромѣ костей и сладкаго фаршу. – По моему, было бы только что поѣсть, вотъ она штука-то въ чемъ.

– Что-й-то, братецъ, вы про объяденіе заговорили? – отозвалась Серафима Никодимовна. – Словно какъ дома и поѣсть то нечего, что мы къ вамъ пришли объѣдаться. Да еще было бы чѣмъ!

И она, какъ бы въ поясненіе, перевернула на блюдѣ скелетъ индѣйки.

– Полноте, сестрица, развѣ я къ тому сказалъ? – защищался Иванъ Никодимычъ. – Я, кажется, отъ всей души, по родственному...

– Не много, признаться, родственнаго-то мы отъ васъ видимъ, – не унималась Серафи-

ма Никодимовна.

– А скажите, братецъ, какъ у васъ нынче по дому: накиннули, само собою, на жильцовъ? – полюбствовалъ Петръ Никодимычъ.

– Понемножку пришлось накиннуть, для соотвѣтствія... – отвѣтилъ неохотно хозяинъ: онъ не любилъ, когда разговоръ касался его денежныхъ дѣлъ. Да у меня, впрочемъ, какіе-же жильцы-то? Шестъ квартиръ всего на-все, да и то больше голь разная занимаетъ. Одинъ, вотъ, второй мѣсяцъ не платитъ.

– Домохозяевамъ нынче рай, это всякому видно. На меня аспидъ-то мой десять рублей накиннулъ, – продолжалъ Петръ Никодимычъ. – А вотъ бы вамъ, братецъ, хорошее дѣло сдѣлать, по настоящему, по родственному: взяли-бы вы эту квартиру изъ подъ жилья, который не платитъ, да и отдали-бы мнѣ съ Настенькой.

– Ишь вы какой скорый, – вспыхнула Серафима Никодимовна: – квартира-то эта по всѣмъ правамъ мнѣ слѣдуетъ, потому что я вдова, живу пенсіей, и дочерей у меня цѣлыхъ четыре.

– Позвольте, что же такое, что жилецъ про-

срочиль? Онъ заплатитъ, я его знаю. Онъ хорошій человекъ, въ казенномъ мѣстѣ служить, – возразилъ хозяинъ.

– А кто вамъ виноватъ, что вы мужа въ гробъ свели, да четверо дѣтей у васъ откуда-то взяли? – накинулся на сестру Петръ Никодимычъ. – Придумали бы сами что-нибудь, а то рады чужую мысль подхватить. Въ своей-то головѣ позваниваетъ, видно.

– А вы помолчите, потому что грубостей вашихъ не желаю слышать, не для того сюда пріѣхали. Мы тутъ всѣ по родственному, а вамъ сейчасъ надо ссору заводить. Не даромъ покойная жена васъ иначе какъ мучителемъ и не называла... – припомнила сестрица.

– По родственному! Знаю я это родственное-то, – пробурчалъ Петръ Никодимычъ.

– Вотъ, какъ заговорили съ братцемъ про родственное, такъ онъ сейчасъ жильца хватить сталъ. А я своими глазами видѣлъ, что на воротахъ и объявленіе о сдачѣ квартиры ужъ вывѣшено.

– А это для острастки, какъ понудительная мѣра, – объяснилъ хозяинъ.

– Очень я хорошо васъ знаю, братецъ, что

ужь! – не унимался Петръ Никодимычъ: ему русская мадера основательно бросилась въ голову. – Въдь вы всю жизнь только думали, какъ бы нахапать, да прикопить. Скаредъ въдь вы, сущій скаредъ. Вы и холостымъ остались, закона человѣческаго не исполнили, чтобъ только семью не содержать.

– За что-же, братецъ, вы меня такъ обижаєте? – примирительно возразилъ хозяинъ. – Не женился я потому, что судьбы не было; такъ Богу было угодно. И притомъ-же я всегда сомнѣніе имѣлъ относительно женскаго легкомыслія. Насмотрѣлся я, ахъ, какъ насмотрѣлся! Вотъ, кстати теперь вспомнить, пріятель у меня былъ...

– А ну его, вашего пріятеля, вы еще такое что-нибудь при дѣвицахъ расскажете... – испугалась Серафима Никодимовна.

– Да, да, всю жизнь только хапаль да копилъ, никому изъ родныхъ грошомъ никогда не помогъ, – продолжалъ братецъ, обращаясь ко всѣмъ. – Ну, скажите, куда вы всѣ свои деньги дѣваете? – перекинулся онъ въ сторону хозяина. Въдь вы ростовщичествомъ занимаетесь, подъ векселя да подъ ручные залого даєте!

Лицо хозяина изобразило полнѣйшее неудовольствіе.

— Какъ вы можете это говорить! — воскликнулъ онъ. — По какому праву вы меня у меня же въ домѣ оскорбляете?

— А вы скажите, что вы съ деньгами дѣлаете? Гдѣ вы ихъ держите? — присталь братецъ.

— Какія у меня деньги? Крохи, можетъ быть, про черный день. Въ государственномъ банкѣ ихъ держу.

— Въ государственномъ банкѣ? Такъ у васъ книжка должна быть, или квитанція. Гдѣ она? Покажите!

— Почему бы это я обязанъ вамъ показывать? — зашипѣлъ Иванъ Никодимычъ. — Вы ужь не для того ли про деньги спрашиваете, что можетъ быть думаете забратъся сюда, да придушить меня?

Петръ Никодимычъ, весь багровый, поднялся съ мѣста.

— А, вотъ какъ ты со мною разговариваешь! Родного брата въ челоукоубійствѣ подозрѣваешь? Господа, вы слышали, вы свидѣтели!

И онъ заvertъль пустой бутылкой съ такимъ видомъ, который не обѣщаль ничего хорошаго. Родственная сцена начинала принимать развитіе, при которомъ постороннимъ не слѣдуетъ присутствовать.